

Ирландец **Уильям Батлер Йейтс** – один из наиболее выдающихся англоязычных поэтов конца XIX – первой половины XX веков. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1923 г.). Сильнейшим образом на жизнь и творчество Йейтса повлияли любовь к родной Ирландии и приверженность к борьбе за её независимость, а также неразделённая любовь к Мод Гонн (Maud Gonne), значительно более радикальной, чем он сам, стороннице независимости. Поэзия Йейтса очень выразительна, многозначна и непроста для понимания. В ней много символических образов и элементов мистицизма. Йейтс был всегда очень взыскателен к себе. Неоднократно заявлял об отказе от сделанного ранее, непрерывно изменял и варьировал свои произведения, но при всей подвижности его поэзии, в ней сохраняется тот эмоциональный накал, силу которого ощущают последующие поколения.

ПЕРЕВОДЫ ИЛЬИ ЛИПЕСА

Переводчик **Илья Липес** родился в 1952 г. в Николаевской области (Украина). Окончил Нежинский педагогический институт («английский язык и литература»). Жил в Чернигове, Славутиче, Москве, Иерусалиме. Работал учителем английского языка. В 1988-1989 гг. был руководителем литературного клуба Чернобыльской атомной станции. Участвовал в семинарах поэтов-переводчиков при Союзе писателей СССР под руководством А. Ревича и Е. Витковского. С 1997 г. живет в Торонто (Канада). Работает переводчиком и нотариусом. Неоднократно публиковался в поэтических сборниках и журналах России, Канады, Израиля и США. Занимается литературным переводом поэзии с английского и украинского языков, а также с иврита. Пишет стихи на русском и украинском языках и рассказы на русском языке. Член редколлегии журнала «Эмигрантская лира». Ведёт семинар литературного перевода в г. Торонто (Канада).

Наряд

Песне своей наряд
Я кроил из преданий,
Притч и воспоминаний
От головы до пят.
А теперь дурачье
Носит его, шалея,
Будто это – ничье.
Песне блажь не страшна:
Есть получше затея –
Выйдет голой она.

Водомерка

Чтоб цивилизацию не сгубить
В судьбоносной войне,
Шумных псов со двора убери.
Цезарь наедине
С полным безмолвьем в своем шатре.
Непобедим пока.

Пристально он глядит в пустоту,
Под головой рука.

*И как водомерка над потоком
Разум его скользит над молчаньем.*

Чтоб разрушилась Троя в огне,
Но сохранялись черты
То ли ребенка, то ли жены –
Елены – Беззвучно ты
Ходи по этим глухим местам.
Уединившись, она
Будет жесты и поступь свою
Оттачивать дотемна.

*И как водомерка над потоком
Разум её скользит над молчаньем.*

Чтоб Адаму в девичьи мечты
Было легко входить,
Нужно соседских детей унять,
Дверь в Капелле прикрыть.
А на подмостках полулежит
Микеланджело сам,
И водит он кистью в тишине
По своим небесам.

*И как водомерка над потоком
Разум его скользит над молчаньем.*

Нет Второй Трои¹

Кого винить? Конечно же – судьбу
За дни мои, презренные тобой,
За то, что ты тупую гольтьбу
Умело подбивала на разбой.
(Была б решимость цели их равна).
Угомонишься ль, станешь ли другой?
Ведь спесь твоя в огонь облачена,
А красота, как будто лук тугой, –

¹ В стихотворении идёт речь о безответной любви поэта к Мод Гонн, фанатичной революционерке. Подробнее см. в лекции на сайте: <https://7lafa.com/poetryen/2057> – Примечание переводчика.

Надменна, бесприютна и дика.
Что может сверх всего тебя увлечь?
Отыщешь ли уже наверняка
Вторую Трою, чтоб её поджечь?

Дорога у моих дверей

Повстанцы у дороги. Трёп.
Шутливый парень-здоровяк
Всё о войне острит взахлеб,
Что схлопотать картечью в лоб,
Как заглянуть на час в кабак.

Вот регулярных войск отряд
И с ним поджарый капитан.
А я пеняю невпопад
На непогоду: то на град
То на вчерашний ураган,

Считаю каждый черный ком
Ворон, усеявших луга,
Чтоб заглушить в себе самом
Всю зависть. Захожу я в дом
Сквозь стынувших надежд снега.

Любовное смятение

И под стрехою воробьиный спор,
И полная луна, и гром вдали,
И звёздный круг, и шелестящий бор
Надежно скрыли вечный плач Земли.

Приходишь ты, и по твоим чертам
От скорбных губ и глаз проходит след
Вселенских слез по мёртвым кораблям
И тяготам длиною в сотни лет.

И разъярённый, воробьиный спор,
И бледная луна, и гром вдали,
И звёздный круг, и говорящий бор –
Сотряс всё это вечный плач Земли.

Молодость и старость

Презреньем заклеймён,
Я злился, мир кляня...
Дни сочтены – и он
Льстит, торопя меня.

ПЕРЕВОДЫ АЛЕКСАНДРА ШИКА

Переводчик **Александр Шик** родился в 1945 г. Доктор физико-математических наук, автор около 400 статей и нескольких книг по физике твердого тела и нанозлектронике. Коренной петербуржец, более 30 лет работал в Физико-техническом Институте им. А.Ф. Иоффе РАН. С 1998 г. – профессор университета Торонто, а с 2019 г. преподает физику, математику и химию школьникам старших классов. Поэтическими переводами с английского занимается менее 10 лет. Среди переводимых авторов – Роберт Фрост, Редьярд Киплинг, Роберт Сервис, Уильям Йейтс, Огден Нэш, Арчибальд Лэмпман. Опубликовал книгу «Limericks/Лимерики» (изд. «Парус», Торонто, 2013), печатался в журналах «Новый Свет», «Эмигрантская лира», «Литературный Европеец», в сборнике «День русской зарубежной поэзии 2021». Лауреат премии им. Э. Хемингуэя (2017).

Настроения

Канет день, канет год
Каплей воска с огарка,
У лесов и вершин
Свой черёд, свой черёд;
Что из огненно-жарких
Устремлений души
Отгорит и умрет?

Он дарит любимой несколько строк

Заколку из золота в волосы вдень,
Поправив выбившуюся прядь;
Я лишь по несколько бедных строк
У сердца требовал каждый день,

Пытаясь сладкую боль воссоздать,
Что с давних сражений забыть не смог.

Вскинь жемчужную бледность руки,
Свяжи свои волосы и вздохни;
И вспыхнут мужские сердца в ответ.
А пена свечой на песке у реки
И звёзды – в небесной росе огни –
Живут, чтоб к ногам твоим бросить свет.

Холодные небеса

Отрада воронью – простор и холод неба,
Как будто лёд горит, но остаётся льдом,
И прежних мыслей ход стирается как небыль,
Когда сердечный пыл безумием введом.
Лишь юные года некстати вспоминаю,
Любовь, что позабыть давно пришёл черёд;
Я принял всю вину, лишь на себя пеняя,
И плакал, и дрожал, качаясь взад-вперёд,
Пронзенный светом. Но! Душа воскреснет снова,
Как книги говорят, нагая выйдет в путь,
И будет ли она принять опять готова
Карающих небес несправедную суть?

Память юности

Летел, как в пьесе, год за миг;
Я жил, в любви мудрее стал,
Я здравый смысл сумел сберечь,
Ей всё поведал мой язык
И полюбилась моя речь,
Но штормой туч студёный шквал
Луне-любви задёрнул лик.

Я, веря в каждый образ свой,
Льстил её телу и уму,
И разжигал в ней мой рассказ
Румянец щёк и взгляд живой,
Но это не спасало нас,
Мы ощущали только тьму
Нависшую над головой.

Хоть я её не слышал слов,
Нам правда явлена была,
Что даже лучшим чувствам срок
Придёт к концу; когда б Любовь,
Услышав птичий голосок,
Как слабый клич, не сорвала
С луны тяжёлых туч покров.

Рыбка

Пуškai ты прячешься под волнами,
Одетыми в лунную белизну,
Люди узнают, что было с нами,
Как, от сетей моих ускользнув,
Ты вырывалась во время былое
Из пут серебряных в глубину...
Тебя назовут упрямой и злою
И много чего поставят в вину.

Сердце женщины

О, что мне комнатка моя,
Покой молитвы позади;
Он поманил – в тумане я,
И груди – на его груди.

О, что мне дом, где каждый день
Был полон маминых забот;
Волос моих густая сень
Укроет нас от непогод.

О, тень волос и влажный взгляд,
Ушли куда-то смерть и жизнь;
Два тёплых сердца бьются в лад
И два дыхания сплелись.

Облака

Закатный свет накрыли облака,
Смежило божество горящий глаз:
Как будто рушит слабая рука
Воздвигнутое сильными до нас,
Гармония сменилась на развал

И жизнь безликим слоем расползлась.
Ты в гонке, друг мой, но наверняка
Всё повторится и на этот раз,
И, пусть ты славу в спутники призвал,
О детях с грустью думаешь подчас:
Закатный свет накрыли облака,
Смежило божество горящий глаз.

Слова

Своей любимой объяснить
Никак не удастся мне,
Что сделал я, как дальше жить
В моей больной стране.

Пусть я от солнца изнемог,
Но мысли делались стройней:
Я создал лучшее, что мог,
Для объяснения с ней.

Годами тщетно я молил:
«Пойми меня, моя любовь,
Я всё могу, я полон сил,
Я – повелитель слов!».

Но, знай она всё с давних пор,
Я б сам отсеял, может быть,
Сквозь решето словесный сор
И начал просто жить.